

6. Harvey D. *El Cosmopolitismo y las Geografías de la Libertad*. Madrid, Akal, 2017, 346 p.
7. Kant I. *Political Writings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1991, 309 p.
8. Levy C. *Anarchism and Cosmopolitanism*. The Palgrave Handbook of Anarchism. Cham Switzerland, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 125–148.

V. V. ВОЛКОВ

Тверь, ТГУ

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ЦЕННОСТЬ: ЛИНГВОМЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ

Аннотация. В статье обосновывается, что русские обыденные представления о праве основываются на «чувстве справедливости». Следовательно, обыденные представления о праве выступают как доминантные по отношению к феноменам собственно правовым.

Ключевые слова: ценность, правосознание, русский менталитет, лингвоментальные структуры, значимость, аксиология.

V. VOLKOV

LEGAL CONSCIOUSNESS AS A VALUE: LINGVOMENTAL PECULIARITIES OF RUSSIANS

Abstract. Author proves that the Russian commonplace notions about law are based upon “sense of justice”. Therefore, commonplace notions about law are prepotent to legal phenomena.

Keywords: value, legal consciousness, Russian mentality, lingvomental structures, significance, axiology.

Исходная задача выявления особенностей русского правосознания – соотнести семантику лексемы *право*, как она фиксирована в толковых словарях, с семантическим ядром концепта «Право», как интегральным перцептивно-когнитивно-аффективным феноменом языкового сознания, составляющим «основу коллективного и/или индивидуального языкового сознания, отражающим значительную часть структур бессознательного и сверхсознательного» [1, с. 126]. Сочетая элементы обыденных и профессионально-правоведческих представлений

о феномене права, концепт «Право» оказывается на перекрестке смежных, но разных картин мира.

По отношению к нравственности, корящейся в религии и в исходящем из бессознательного чувства совести, и к этике, мотивируемой структурами и содержанием всех возможных социальных отношений, право – это лишь «нравственно-этический минимум», непреложность которого поддерживается, помимо нравственного чувства и опасений нарушить этические условности, силой государственного принуждения. На принуждении вся жизнь не строится, но без него ее основы рушатся – в этом, с одной стороны, ограниченность, с другой – сила и объективная необходимость права как особого социального института. Этика всегда *глубже* права, несмотря на всю его обширность, но, в свою очередь, составляет лишь часть нравственности как высшего регулятора человеческих отношений.

Обыденное сознание включает как нравственную, в том числе духовно-религиозную, так и этическую, и правовую составляющие. В этом истоки конфликта обыденного и правового сознаний: обыденное – гибко, диффузно, многогранно, правовое – ригидно, логически выверено, связано со строго определенными аспектами человеческих отношений. Развитие правового сознания основывается не только/не столько на изучении правовых основ общества и государства – это лишь необходимый начальный этап (правовое просвещение), сколько на согласовании правовых концептов с общекультурными.

Принципиальная трудность в том, что правовые и общекультурные концепты нередко существуют под одним и тем же именем, которое оказывается омонимичным, и обыденное сознание «теряется»: где *правовое* (установленное законом) а где – *нечто иное, собственно человеческое*, диктуемое нравственностью и этикой, которые превыше любого юридически оформленного права?

Исходная трудность связана с лексемой *право*, по факту – омонимичной. Есть терминологическое юридическое прочтение (тогда мы имеем дело с термином *право*), и есть общеупотребительное существительное *право* – с богатым деревом значений, в ряду которых обычный читатель словаря (не юрист) ищет прежде всего «самого себя», того, что касается «всей жизни», и лишь затем интересуется тем частным, что связано именно с юридическими аспектами.

К сожалению, современные академические толковые словари эту особенность языкового сознания, связанную с *производительностью* юридического, терминологического *понятия* права, не учитывают и в числе исходных, первичных называют именно правовые, по своей сути терминологические значения. Ср.: «Право... 1. *только ед.* Совокупность устанавливаемых и охраняемых государ-

ством моральных норм, правил поведения, регулирующих общественные отношения между людьми. *Крепостное п.* <...> 2. Наука, изучающая отражение этих законов и постановлений в законодательстве; учебная дисциплина такого содержания. *Лекция по уголовному праву.* 3. Предоставляемая законами государства свобода, возможность действовать, осуществлять что-л. или пользоваться чем-л. *П. наций на самоопределение.* <...> 4. Официальное разрешение на что-л.; допуск к выполнению каких-л. обязанностей, к занятию какой-л. должности, чина. *П. держать экзамен.* <...> 5. Возможность действовать, поступать каким-л. образом. *Бороться за п. печататься. Имел п. входить к шефу без доклада*» [5, с. 953].

Если рассматривать цитированные толкования сквозь призму векторного прочтения оппозиции «власть – человек», то первые четыре толкования связаны с вектором «власть → человек», с логикой *этакратии* («власть распоряжается, человек исполняет»), лишь пятое толкование – вне контекста этой оппозиции.

Обратим также внимание на принципиальную неточность толкования первого значения: «совокупность устанавливаемых... государством *моральных норм*». Моральные нормы, тем более «правила поведения», не «устанавливаются», а *складываются* в обществе независимо от воли человека и/или государства, затем лишь фиксируются и упорядочиваются – но в *этике*, не в *праве*. Иллюстрации к толкованию данного значения также вызывают недоумение: *крепостное* или *феодалное право*, разумеется, как-то связаны со специфическими *моральными нормами*, но отнюдь не директивными отношениями.

Как видим, современное лексикографическое решение отражает идеологию «государствочентричности», представление о доминировании государства над человеком: не «государство для человека», как в случае антропоцентрического взгляда, но «человек для государства».

Совершенно иначе строится толкование существительного *право* в Словаре В. И. Даля, более точно отражающем реальности русского менталитета: «*Право*... данная кем-либо или признанная обычаем власть, сила, воля, свобода действия; власть и воля в условных пределах. *Ему дано право карать и милловать. Право родителей над детьми не крепостное.* <...> *Право на что*, основательность, законность. *Право на благодарность*, по заслугам; *право на орден, на чин, пенсию*, по закону. || *Право*, наука законовеведенья..., юриспруденция, или одна из ветвей науки этой. *Право гражданское, военное, уголовное, римское* и пр.» [2, с. 377]. Ключевой элемент толкования, которое можно считать гениальным – «власть и воля в условных пределах». В этой формулировке «власть» и

«человек» не противопоставлены, не иерархизированы («кто главнее»), но сопоставлены, рядоположены: *власть и воля*; во-вторых, *право* определяется через «условный предел», который может быть разным: по обычаю, заслугам, закону.

Обыденное сознание антропоцентрично, а не «юрисцентрично», что ясно проявляется в материалах массового ассоциативного эксперимента, хорошо коррелирующих с далевским прочтением семантики существительного *право*. Наиболее частотные ассоциаты в академическом «Русском ассоциативном словаре» [6, с. 499]: «Право: на жизнь 29; на труд 13; лево 9; *закон*, на отдых 8; *быть*, выбора, человека 7; *иметь, мое, юрист* 4; *жить*, на риск, на свободу, на смерть, сильного, *суд*, уголовное 3». Как видим, преобладают синтагматические ассоциации по формулам «право на что» и «право – какое»: право – на труд / отдых / риск / свободу / смерть; право – *быть, иметь, жить*; право – *выбора, мое, сильного*. Ожидаемая парадигматическая ассоциация право – *обязанность* представлена в реакциях только двух информантов. Вывод очевиден: *право* в русском языковом сознании слабо ассоциировано с *обязанностью*.

Крайне несимметричны и словообразовательные гнезда: обширное гнездо с заголовочным *право* и нулевое – с *обязанность* (даже прилагательного «*обязанностный*» нет [7]). Разумеется, от структурно простого существительного *право* закономерно образуется больше производных, чем от структурно сложного *обязанность*. Но наличие весьма обширного ряда сложных производных с начальной частью *право-*, при полном отсутствии аналогичных производных с начальным *обязанность* все-таки заслуживает того, чтобы ее отметить, ср.: *правоведение, правомерность, правонарушение, правонарушение, правообладатель, правоотношение, правопорядок, правопредшественник, правопреемник, правоприменение, правосознание, правоспособность, правосудие, правотворчество*.

Лингвистическая эвристика: подставить на место одного элемента другой и попытаться интерпретировать смысл того, что вышло, как например: «*обязанностеведение*», «*обязанностемерность*», «*обязанностенарушение*» и т. д. Получаются слова, явно намекающие на проблемы, над которыми стоит задуматься: к примеру, ведь не только *права* получает *правопреемник*, но вместе с ними и какие-то *обязанности*. Однако само существительное *правопреемник* на это явно не намекает, *обязанности* – лишь подразумеваются.

Из сказанного не следует, что у русских слабо развито «сознание обязанностей», скорее, наоборот: недостаточно развито сознание своих прав – как проявление национальной черты безынициативно полагаться на отечески заботливые «верхи» и как наследие сначала царской, затем советской власти. Кроме того, русское обыденное правосознание существенно отличается от западного по

типу взаимодействия с нравственным началом. Европейское правосознание фундируется нравственными категориями «порок/добродетель». Идеал русской нравственности – *над* этим противопоставлением, «гармоничное, *ладное*, соединение идеала и личности» [4, с. 122]. Не добродетели и пороки высчитывать, а тянуться к идеалу. Вопрос о добродетелях и пороках – это вопрос о поступках, не о внутренней сути. Для русского менталитета поступки – не главный критерий оценки человека. Важно не столько то, *что он делает*, сколько *кто он такой*, *что он собой представляет* – в конечном счете, пред Божьим ликом. Такая нравственная позиция «по человеческой высоте» превосходит правосознание, основывающееся на частных категориях.

Ключевая проблема формирования правосознания в своей основе – нравственная, она фундируется тем, что обычно называют *порядочностью*. Еще И. А. Ильин в работе «О сущности правосознания» (1919), характеризуя «основу здорового правосознания», писал: «В правосознании участвует не только “знание” и “мышление”, но и воображение, и воля, и чувство, и вся человеческая душа. Недостаточно верно знать свои правовые полномочия, обязанности и запреты; бывают люди, которые отлично знают их и постоянно злоупотребляют этим знанием для того, чтобы превысить свои полномочия, преуменьшить свои обязанности и сложить с себя запреты. Необходимо не только знать все это, но и *признавать* в порядке *самовменения* и, признавая, иметь достаточную силу воли для того, чтобы *соблюдать признанное*» [3, с. 230]. Как в любой сложной системе управляющий фактор находится за пределами системы или, во всяком случае, не является ее частью, так и механизмы *самовменения* правового находятся за пределами правового сознания, их фундамент – обыденные представления об этически приемлемом / неприемлемом и выше этического – о нравственном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков В. В. Филология в системе современного гуманитарного знания: учеб. пособие. – Тверь: Тверской госун-т, 2013. – 221 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 3. – 556 с.
3. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 4. – 624 с.
4. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – 624 с.
5. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ-классик, 2008. – 1536 с.

6. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю. Н. Караулов [и др.]. – М.: Астель; АСТ, 2002. – Т. 1. От стимула к реакции. – 784 с.
7. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – М.: Рус. язык, 1985.

П. Ф. ДИК

Костанай, КИНЭУ

ГАРМОНИЯ ДУХОВНО-ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Представлена идея гармонии духовно-этических ценностей личности в развитии авторской концепции терапеологии.

Ключевые слова: высший человек, личность, мораль, терапеология.

DYCK P.

HARMONY OF PERSONALITIESSPIRITUAL AND ETHICAL VALUES

Abstract. Presented the idea of harmony of the personality's spiritual and ethical values in the development of the author concept of therapeology.

Keywords: supreme man, personality, morality, therapeology.

Проект человека принадлежит к числу вечных проблем философии, связанных с фундаментальными вопросами бытия человека, его сущности, теле, душе и духе. Гармонию духовно-этических ценностей личности рассматриваем в контексте нашей идеи и концепции терапеологии, понимаемой как «учение о свободном служении, принимаемом личностью как главное призвание и обеспечивающем высший смысл и полноту человеческой жизнедеятельности» [2, с. 354]. Терапеология близка концепции Г. В. Мокроносова «о человеке как личности, и в то же время воссоздающем различные формы социальности» [1, с. 18].

Заявленную нами тему представляем осмыслением ключевых достижений Фридриха Ницше по проблеме личности, на наш взгляд, удивительно своевременных, актуальных и через сто двадцать лет после смерти автора. Философствование Фридриха Ницше стремится быть *ценностным обретением личности*.

Кризис бытия человека XIX века, представляющийся мыслителю Ницше запредельным, кануном апокалипсиса, и после мировых войн прошлого столетия продолжает углубляться и расширяться настолько, что человечество, кажется, навсегда потеряло саму способность осмысливать его критическим разумом, сильным чувством и благородным сердцем. Эмоциональный протест людской